

Научная статья
УДК 930.1
EDN: JNYQYR
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-77-85

Теоретическая нагруженность исторического факта

А.А. Звездина, И.В. Ланцова

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема исторического факта с позиций методологии научного познания. Проводится анализ как в современном информационном обществе меняются познавательные ориентиры, происходит переосмысление процессов исторического познания. На конкретном историко-философском материале анализируются подходы к методологии исторического познания. Акцентируется внимание на дискуссии – является ли история наукой. Подходя с позиций анализа истории как науки, мы останавливаемся на историческом факте, а вернее на его теоретической нагруженности. Взяв за основу идею постпозитивистов о теоретической нагруженности факта, прослеживается толкование исторического факта в историко-философском контексте. И если в современной научной литературе теоретическая нагруженность факта в основном рассматривается на примере естественных наук, то в статье предпринята попытка анализа исторического факта. В век информационных технологий, глобальной сети интернета встречаются противоречивые толкования одного и того же исторического события, да и ответственность авторов размывается. Отмечается, что особенностью исторического факта является то, что при формировании он подвержен воздействию методологических, ценностных, идеологических предпочтений исследователя. Диалектика познания исторического факта такова, что, с одной стороны, непосредственно наблюдать его невозможно, но, с другой стороны, точному познанию реального события прошлого мешает субъективность автора источника, которая затем еще усиливается субъективностью автора исследования. Принадлежность исследователя к обществу и присущее ему мировоззрение являются необходимыми условиями познания им прошлого в терминах современности. Все это усиливает субъективный момент, от которого практически невозможно устраниваться. И здесь мы говорим о хронотопе историка – это время, современное историку и время того исторического события, которое он исследует.

Ключевые слова: информационное общество, исторический текст, методология истории, мировоззрение, теоретическая нагруженность факта, постмодернизм, пространственно-временной континуум, промежуточное время, хронотоп

Для цитирования: Звездина А.А., Ланцова И.В. Теоретическая нагруженность исторического факта // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 77–85. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-77-85>. EDN: JNYQYR.

History

Original article

Theoretical load of a historical fact

Anna A. Zvezdina, Irina V. Lantsova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article deals with the changes of the cognitive orientations in the modern information society and rethinking of the processes of historical cognition. The approaches to the methodology of historical knowledge are analyzed on the basis of specific historical and philosophical material. Attention is focused on the discussion - whether history is a science. Approaching from the standpoint of the analysis of history as a science we dwell on the historical fact or rather on its theoretical loading. Taking as a basis the idea of post-positivists about the theoretical loading of the fact the interpretation of historical fact in the historical and philosophical context is traced. And if in modern scientific literature the theoretical loading of the fact is mainly considered on the example of natural Sciences, the article attempts to analyze the historical fact. There are conflicting interpretations of the same historical event in the age of information technology and the global Internet, and the responsibility of the authors is blurred. It is noted that the peculiarity of the historical fact is that in the formation it is a subject to the influence of methodological, value, ideo-

logical preferences of the researcher. The dialectics of the knowledge of historical fact is such that, on the one hand, it is impossible to observe it directly, but, on the other hand, the subjectivity of the author of the source which is then further enhanced by the subjectivity of the author of the study prevents the accurate knowledge of the real event of the past. The researcher's belonging to the society and his worldview are the necessary conditions for the knowledge of the past in terms of modernity. All this strengthens the subjective moment from which it is almost impossible to be eliminated. And here we are talking about the chronotope of the historian – this time, the modern historian and the time of the historical event that he explore.

Keywords: information society, historical text, methodology of history, worldview, theoretical loading of fact, postmodernism, space-time continuum, intermediate time, chronotope

For citation: Zvezdina A.A., Lantsova I.V. (2024) Theoretical load of a historical fact. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 77-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-77-85>. EDN: JNYQYR.

В современном информационном обществе можно встретить превратное толкование исторических фактов, что в некоторой степени связано с тем, что в век интернета сознание всё более становится сетевым. Для современного человека трудность познания исторического факта обусловлена тем, что, обладая часто клиповым, ризомным сознанием, он не может выстроить логическую схему рассуждений. И познание истории ограничивается историческими анекдотами или в лучшем случае исторической прозой. Но это особый предмет рассмотрения, который ждёт своего исследования, нас же интересует научный подход к историческому познанию, конкретнее к историческому факту и его теоретической нагруженности, хотя от влияния клипового сознания и наука не застрахована.

Сегодня происходит смена познавательных ориентиров, которая выразилась в пересмотре картезианских взглядов о способах получения и проверки знания. Не осталось в стороне и историческое познание. Под влиянием новых течений в лингвистике и литературоведении, связанных с творчеством Р. Барта, Ж. Деррида и других «деконструктивистов» и «постструктуралистов», постмодернизм проникает в историческую науку (Деррида, 2000). Он поставил под сомнение знание прошлого в истории и привычное понимание истины. Постмодернизм в историческом познании прямо направлен против тех представлений о реальности истории и как следствие, об объекте исторического познания, который, по их мнению, есть не нечто внешнее по отношению к субъекту познания, а как нечто непосредственно сконструированное практикой дискурса и языка, отсюда вывод, что нет разницы между фактами и вымыслом.

Постмодернизм считает, что главную роль в историческом познании играют тексты, а историческая реальность существует только в интерпретациях. Он рассматривает познание истории как диалог между текстами, в результате которого возникает своеобразная сила языка, способная собственными внутренними средствами создавать самодостаточный мир исторического дискурса, конструируя историческую реальность. Таким образом, постмодернисты рассматривают историческое знание как субъективное выражение исследователем собственных стереотипов мышления и восприятия, а также его потребностей и интересов. По их мнению, историк так же как писатель или поэт создаёт исторический текст, это такой же нарратив. Выстраивая сюжет, историк формирует повествование в соответствии с языковыми нормами той культуры, которой принадлежит. Следовательно, нет ни прошлой реальности, ни объективного подхода к ее изучению, но есть нарратив, представляющий прошлое, который собственно и есть история. В конечном итоге, в постмодернистской концепции науки не осталось для истории места. Доминирует идея о важной роли автора исследования, внимание акцентируется на субъективности исторического знания как стержневом и главном моменте. И как результат установить объективные и достоверные факты прошлого историк не может. Истина от него скрыта, так как его сознание и мировоззрение довлеют над ним. И как итог всех этих рассуждений получается, что историк фактически конструирует прошлое, а не реконструирует его.

Данный взгляд на историю не утратил своих позиций и в настоящее время. Вот почему проблема исторического факта стала актуальной в настоящее время. Вопрос теоретической нагру-

женности факта возник в постпозитивистской философии науки как ответ на неопозитивистскую программу. С точки зрения неопозитивизма, факты являются результатом непосредственного взаимодействия субъекта с объективной реальностью. Именно факты являются основой любой теории, недаром основным их принципом был принцип верификации. Постпозитивисты же включили в процесс познания и субъекта, в том контексте, что он оказывает непосредственное влияние на результат познания вообще. Так впервые в истории науки факты были поставлены в зависимость от теории. Эти идеи мы встречаем в трудах Т. Куна, П. Фейерабенда и других постпозитивистов (Поппер, 1993; Кун, 2020; Фейерабэнд, 1986).

В информационном обществе все больше получают распространение взгляды, согласно которым как нельзя противопоставлять факты теории, так и полностью растворять их в какой-либо теории. Хотя факт – результат взаимодействия субъектов познания и объекта, он имеет сложную структуру, его элементы обусловлены как теорией, и в некоторой степени зависят от этой теории, а также особенностями познания реального предмета. Обусловленность фактов теорией подразумевает, что концептуальная основа фактов формируется в теории: она определяет предмет изучаемой реальности и задает язык, на котором эти факты описываются, выясняет основные методы и средства, необходимые для исследования данного факта, это и есть теоретическая нагруженность факта. Эти экспериментальные исследования и наблюдения в конечном итоге определяются свойствами того объекта, который подвергается исследованию. Сами же факты наполняют содержанием концептуальную схему, заданную теорией.

Таким образом, хотя научный факт имеет теоретическую нагрузку, он сохраняет определенную независимость от теории, поскольку мы видели, что его содержание не зависит от теории. Именно из-за этой относительной независимости факты могут противоречить теории и стимулировать дальнейшее развитие научного исследования. Вне теории научный факт не имеет сущностной силы, а свой собственный статус он получает только в каком-либо контексте теоретической си-

стемы. Мы не будем вдаваться в дискуссию неопозитивистов с постпозитивистами по данному вопросу, а обратимся непосредственно к теоретической нагруженности исторического факта.

Особенностью методологии исторического познания ученые стали заниматься значительно позднее, чем методами наук естественных. Только в XIX веке исторические факты подверглись анализу. Хотя различие между фактами естественных наук и фактами истории отмечали и ранее. Сейчас же всё более акцентировали внимание на то, что исторические факты не наблюдаемы непосредственно, не воспроизводимы с помощью эксперимента, и проверке не поддаются. И вся разница не столько в самом предмете, сколько в статусе наблюдателя. В одном случае наблюдатель приближается к своему объекту как к внешнему, а в другом – изнутри, через глубину своего собственного существования (Берлин, 2001. С. 114–115).

Несмотря на это, в исторической науке XIX века господствует культ факта. Этому способствовала модная в то время позитивистская концепция в философии, которая не обошла своим вниманием и историческую науку. Позитивисты, начиная с О. Конта, провозгласили факты основой для исследования, соответственно эти факты ими рассматриваются как полностью независимые от познающего субъекта с его системой ценностей. Многие историки XIX века оказались под влиянием данных идей и вслед за представителями философии науки абсолютизировали категорию исторического факта в своих исследованиях. Они верили в возможность фиксации факта в источниках и ее извлечения оттуда историками. Получается, по их мнению, что всё изучение истории – это есть процесс воспроизведение сведений из источников. Критерием достоверности факта считалась точность приведения источника. Возможность установления объективных факторов не ставилась под сомнение, они отмечали то, что как сам процесс познания, так и его результат носят объективный характер. Влияние субъекта, его системы ценностей на методику исследования фактов долгое время игнорировалось. Целью исторического исследования являлись факты, на этом и строилась историческая методология, вернее методология истории. Как писал Мейер, «основной

задачей историка есть установление фактов, которые когда-то имели место, они должны стать фундаментом исторической науки, а не теории» (Мейер, 2003. С. 180). В конечном итоге привело всё это к утверждению в истории культа фактов, значительному преувеличению роли эмпирических методов исследования в ущерб методам анализа теоретических.

На определенном этапе развития науки позитивизм отвечал необходимому процессу специализации исторических исследований, так как отражал реальную потребность исторических знаний в дифференцированном изучении различных сторон общественного развития. Под влиянием позитивизма качество исторических исследований изменилось, и различные аспекты социальной, экономической и культурной истории стали изучаться более внимательно. Конечно, в этом его неоспоримая заслуга перед исторической наукой. Хотя позднее историческая наука и отвергла большинство принципов позитивизма, но в научный оборот вошёл подход к изучению источников, обоснованный позитивистами.

К концу XIX века классический позитивизм изживает себя. Он подвергается критике со всех сторон. Не избежали этой критики и взгляды на исторические факты. Всё больше раздаются мнения, что исторический факт не может быть свободен от мировоззрения учёного, это не простое воспроизведение прошлого. Новый подход к историческим фактам мы встречаем уже у неокантианцев, которые занявшись методологией гуманитарных наук, указывали на то, что культурологические исследования используют индивидуализированные методы, тогда как естественнонаучные изучают общую и повторяющуюся природу явлений, используя обобщенные методы. Интересным решением является самый известный неокантианский принцип, предложенный Риккертом: личность следует понимать непосредственно через соотнесение с другими ценностями. Разнообразие событий приобретает своё единство благодаря признанию ценностей. Несомненно, Риккерт отмечал, что без упрощения и изменения реальности история не обходится, но это совершенно иное упрощение чем в естественных науках. Здесь индивидуальность не теряется. Ис-

тория относит реальность к общезначимой культурной ценности (Риккерт, 1998).

Представитель «философии жизни» Дильтей, в данном вопросе находился в основном на неокантианских позициях, главным же критерием различий между естественными и историческими науками полагал способ изучения и рассмотрения материала. Если основной метод естественных наук – это объяснение, то история постигает материал через понимание. Одним из важных средств исторического познания, по мнению Дильтея, является также переживание, так как именно из внутренней жизни возникли все внешние формы. В основе нашего познания находится переживание. Любые исторические события становятся понятными нам, приобретают смысл и важность только тогда, когда мы переживаем внутренне, в определенное время, как если бы это произошло с нами.

Стараясь понять людей других исторических эпох, их душевные искания и страсти, мы начинаем непременно понимать и их исторические дела и свершения. Каждый человек становится для нас все более понятным именно при толковании и интерпретации исторических событий. Любой историк, воссоздавая картину прошлого исторического события, должен пережить его заново, истолковать и воспринять как нечто живое, которое происходило как бы с ним. Он должен исследовать не только изменения, происходящие в производстве, в быту, но и те их мотивы, которые побуждали людей к деятельности. Сами же мотивы не фиксируют никогда какое-либо событие истории, принявшее ту или иную форму. Главный вывод Дильтея сводится в конечном итоге к положению о том, что одним из важных методов исторического познания является вживание в изучаемый мир, что для представителя «философии жизни» является вполне закономерным (Дильтей, 2004).

Ему вторит Г. Зиммель, считая, что нет никакого способа сделать возможным выяснение смысла социально-исторических явлений. Необходимо выяснить, как изучаемое явление связано с интересами самого исследователя или его социальной группы (Зиммель, 2017).

Вебер хотя и специально не занимался методологией истории, но некоторое внимание уделял вопросам исторического познания. Если Риккерт

для построения единой системы ценностей пытался заложить основу через отношение к ценностям, то Вебер, в отличие от него, не допускал возможность построения такой единой системы ценностей и утверждал о существовании множественности различных, борющихся ценностных сфер. По его мнению, система в науках о культуре – бессмыслица (Вебер, 1990. С. 383). Вебер в отличие же от Дильтея с его философией жизни, а также следовавших за ним представителей исторической науки, отказывался руководствоваться методом непосредственного вживания при изучении социальной жизни. В историческое познание, по его мнению, необходимо включить логические методы. История только тогда может претендовать на статус научной дисциплины, когда будет использовать логические приёмы, которые дают возможность узнать причины событий. Это главный вывод методологии Вебера по вопросу исторического познания.

Следует выделить у Вебера такое средство познания как учение об «идеальном типе». Чтобы понять источники и извлечь из него нужный материал, исследователь, по мнению Вебера, начинает с общей концепции. Он имеет общее представление о той исторической реальности, которую собирается исследовать. Это и есть «идеальный тип» Вебера, который у него выступает средством для сбора и обработки материала. В том случае, если данный материал противоречит тому идеальному типу, который он взял за основу, нужно сам идеальный тип переработать. Следует отметить, что Вебер не подчиняет материал идеальному типу как схеме, он лишь инструмент, и если обнаруживается его непригодность, то от него следует отказаться. Вебер также демонстрирует мотивы, характерные для деятельности людей в разные исторические эпохи. Следует отметить, что эти идеи Вебера были развиты Бахтиным, подчеркивающим, что знание прошлого определяется не столько наличием источников, сколько внутренней взаимосвязью происходящего с индивидуальностью историка.

Рассматривая выше взгляды Виндельбанда, Риккерта, Вебера, мы можем сделать общий вывод о том, что узнать о реальных событиях прошлого сложно, а иногда невозможно. Следы прошлых событий скрыты от нас в источниках, кото-

рые нужно понять. Только когда мы проанализируем понятийный аппарат и когнитивные средства, мы можем проникнуть в те события, которые происходили в прошлом.

С возникновением неклассического научного знания меняется и дополняется содержание многих понятий, в том числе и исторических. С легкой руки Коллингвуда, исторические факты стали рассматриваться иначе. С одной стороны, акцентировалось внимание на исторических свидетельствах тех фактов, которые зафиксированы в различных документах (летописях, хрониках и т. п.). С другой – понимание и интерпретация их были тесно связаны с теми ценностями и представлениями, которые были присущи современным исследователям. Р. Коллингвуд писал, что историк не просто воспроизводит мысли прошлого, он воспроизводит их в контексте собственного знания и потому, воспроизводя их, он их критикует, дает свои оценки их ценности, исправляет все ошибки, которые он может обнаружить в них. Эта критика мысли, историю которой он прослеживает, не является чем-то вторичным по отношению к воспроизведению ее истории. Она – неотъемлемое условие самого исторического знания (Коллингвуд, 1980. С. 161). Историческое познание, по его мнению, не является ни познанием прошлого, исключаящим познание настоящего, ни знанием настоящего, исключаящим знание прошлого; оно – знание прошлого в настоящем, самопознание историком собственного духа, оживляющего и вновь переживающего опыт прошлого в настоящем (Коллингвуд, 1980. С. 137).

Приступая к исследованию историк (как и любой другой учёный) всегда сначала формулирует проблему, выдвигает гипотезу, которая в ходе дальнейшего исследования или подтверждается или опровергается. Основным свойством научной работы является то, что она невозможна без теории. Так основатели и последователи Школы «Анналов» сформулировали такой взгляд на исторический факт, согласно которому источник сам по себе нем, чтобы понять его, извлечь из него сведения, надо сначала сформулировать вопросы, которые следует ему задать. Л. Февр был одним из первых, кто рассмотрел этот вопрос применительно к историческому знанию в своей лекции в 1933 году «Суд совести истории и историка»:

«Установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос» (Февр, 1991. С. 15).

Научная работа невозможна без заранее разработанной теории. К такому выводу сначала пришли в методологии естественных наук. Было установлено, что факты несут теоретическую нагрузку. Впоследствии это проникает в гуманитарные науки, в том числе в историю. Теория – это научный опыт для истории. Любое научное исследование невозможно вне определения теоретических границ, поскольку в наши знания включены «факты», которые уже были приняты во внимание определенным образом. Таким образом, мы видим, что историческая наука, в некоторой степени, сама создаёт свой объект, исследование превращается из однозначного поиска фактов в диалог с прошлым.

Отметили представители школы «Анналов» и такой момент как влияние принадлежности историков к тому или иному обществу. Будучи активно вовлеченными в современную жизнь и мировоззрение, трудно быть независимыми от своих современников. Это во многом и определяет вопросы, которые историки задают прошлому. Трудно сказать, были ли они знакомы с учением Риккерта об «атрибуции ценностей» как условии существования наук о культуре. Но взгляды их близки этой позиции Риккерта. Они отмечали, что историки в процессе своего исследования опирались на ценности собственной культуры. Это происходит в некоторой степени неосознанно, именно этим они руководствуются, оценивая материал и выбирая его для себя. Таким образом, в историческое познание был введен принцип релятивизма, который уже давно завоевал свое место в естественных науках (Блок, 1986; Гуревич, 1993).

Мы показали, что в процессе формирования исторических фактов они подвергаются воздействию ценностных, социально-психологических, наконец, этических предпочтений историка. Все это приводит к тому, что содержание фактов может подтасовываться, искажаться, а сами теории, которые основаны на них, не отражают реальности прошлого. Препятствием на пути к объективности могут быть также личные пристрастия, догматическое следование учителям, методологические традиции т. д. Иногда факты конструируются

или адаптируются под идеологический социальный заказ. Толкование одних и тех же фактов с разных идеологических позиций может быть совершенно противоположным. Геополитические интересы того или иного государства также играют немалую роль в формировании исторических фактов. Примеров в мировой истории можно найти бесконечное множество, взять хотя бы толкование Столетней войны французскими и английскими историками, а также близкий нам пример – ход и итоги Второй мировой войны.

Исследователь принадлежит определённому обществу, и мировоззрение данного общества выступает необходимым условием для познания прошлого. К тому же он выражает это в современных терминах. Перед нами зависимость не только мировоззренческая, но и лингвистическая. Таким образом, перед нами диалектическая взаимосвязь культуры прошлого и установок того времени, в котором создается труд.

Считается, что одной из характеристик исторического факта является наличие трех сторон: факт-событие – реальный факт, существовавший в прошлом; факт-источник – отражение в источнике реального факта, но с элементами субъективности автора источника; научный факт, который является результатом двойного субъективизма – автора источника и автора исследования. Итак, не имея возможности наблюдать факт прошлого, историк точному познанию данного факта мешает субъективность автора источника, да и сам он субъективен в своих исследованиях. Работая с тем или иным источником, историк знакомится с личностью его создателя, с его взглядами на тот или иной предмет. К актуальной информации добавляются мысли и идеи автора данного исторического текста. Вся эта информация о прошедших событиях и их субъективная оценка составителем текста взаимосвязаны, воедино соединены. Этот текст должен быть проанализирован историком, что влечёт за собой массу трудностей. В ходе своих исследований он в то же время неизбежно оказывается связанным со своими предшественниками, историками, которые когда-то работали над той же или аналогичной проблемой, и он не может не учитывать результаты этих исследований, хотя может с ними не соглашаться и какие-то положения пересматривать. «В течение периода,

отделяющего историческое событие от современного историка, сменились поколения исследователей, и важно знать те изменения, которые пережило толкование этого события в трудах представителей разных школ и направлений исторической мысли. Мы зависим от своих предшественников даже в тех случаях, когда ставим под сомнение плоды их исследований» (Гуревич, 1996. С. 99).

В методологии гуманитарного знания часто используют понятие «хронотоп». Говоря о хронотопе историка, мы имеем в виду сразу два вида времени. Это время, в котором живёт историк, где он проводит свои теоретические изыскания, и от которого, хочет он того или нет, зависим. Наконец, это то время, когда происходили те исторические события, исследование которых он занимается в настоящий момент. Понятие «хронотоп» (время-пространство) ввел в гуманитарные науки М.М. Бахтин, понимая под этим существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе (Бахтин, 1975. С. 234). В основе исторического исследования лежит диалектика времени настоящего, а именно времени в котором живёт учёный, и того прошлого, которое он исследует. И как отмечает В. Межуев, что стремясь к объективному отображению прошлого, историк пытается максимально освободить его от какой-либо модернизации, от истолкования по аналогии с настоящим, и здесь же отмечает, что никому из историков не удалось решить эту задачу до конца (Межуев, 2018. С. 36). Вся сложность здесь в том, что в исследование проникает и другое, промежуточное время. Ведь данную проблему исследовали и до него. Ему нередко встречаются иные концепции истории, существующие в разных культурах, а также непосредственно те проблемы, которые его на данном этапе работы занимают. Это все оказывает влияние на то исследование, которое проводит историк, как бы это от него не зависело. Происходит как бы синтез разных времён, их взаимовлияние. Эти интерпретации являются результатом деятельности ранее живших ученых, они как бы вступают в диалог с исследователем и являются одной из составляющих исторического исследова-

ования. Таким образом, происходит встреча не двух или более отдаленных во времени культур, а протяженного пространственно-временного континуума, обеспечивающего их постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

С ускорением технологического прогресса, развитием сети интернета предшествующая история может быть переписана или проинтерпретирована так разнообразно, что трудно будет найти точки соприкосновения. И как отмечал Бодрийяр, что вся наша реальность и прошлая в том числе, была пропущена через средства массовой информации (Бодрийяр, 2000. С. 134), что так или иначе оказывает немалое влияние на современников. И, столкнувшись с этим, современный историк попадает ещё в более сложную ситуацию, где тщательной проверке необходимо подвергнуть данную информацию и найти её первоисточник (Кротов, 2017; Рашковский, 2016).

Итак, мы видим, что познать исторический факт – непростая задача. Историк не может непосредственно наблюдать факт прошлого, а точному познанию данного факта ему мешает субъективность автора источника, да и сам он не избавлен от субъективности в своих исследованиях. Историк живёт в обществе, в котором господствует определённая система ценностей как временная, так и идеологическая, что непосредственно оказывает влияние на его мировоззрение. И это мировоззрение, помимо воли исследователя, так или иначе, влияет на познание им прошлого. В процессе работы над источником историк знакомится с личностью его создателя, к актуальной информации добавляются идеи и мысли, присутствующие автору данного текста. Эта информация о событиях прошлого, а также субъективная оценка создателя текста представляют некое единство. В процессе своих изысканий исследователь сталкивается с историками прошлого, которые в то или иное время работали над данной проблемой. Ему сложно историческую традицию игнорировать. Он или придерживается её, или пытается отойти, но всё равно от неё зависит. Таким образом, мы можем сказать, что любой исторический факт теоретически нагружен.

Список источников

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и

References

Bakhtin M.M. (1975) Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Voprosy literatury i*

эстетики. М. : Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Берлин И. Естественная ли наука история? / пер. с англ. // Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 69–121.

Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. 2-е изд. М. : Наука, 1986. 254 с.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. 258 с.

Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. : Индрик, 1993. 328 с.

Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. Человек в истории. М. : Coda, 1996. С. 81–109.

Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.

Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.

Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 432 с.

Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография М. : Наука, 1980. 488 с.

Кротов А.А. Методология современных историко-философских исследований во Франции // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 52–62. EDN: WGEMUS.

Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2020. 320 с.

Межуев В.М. История как философская идея // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 34–41. DOI: 10.31857/S004287440000738-6. EDN: YALVBB.

Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. М. : Гос. публичная историческая библиотека России, 2003. 204 с.

Поппер К.Р. Нищета историцизма. М. : Прогресс, 1993. 187 с.

Рашковский Е.Б. Историческая мысль между жизнью и смертью // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 63–73. EDN: WGEWSR.

Риккерт Г. Философия жизни. Киев : Ника-Центр, 1998. 512 с.

Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. 632 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 542 с.

estetiki = Questions of Literature and Aesthetics. Moscow: Art. lit. P. 234-407. (In Russ.).

Berlin I. (2001) The Concept of Scientific History; 1960. (Russ. ed.: Is natural science history. *Filosofiya svobody. Evropa = Philosophy of freedom. Europe*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 69-121.

Blok M. (1986) The apology of history or the craft of a historian; 1963. (Russ. ed. *Apologiya istorii ili remeslo istorika*. Moscow: Nauka. 254 p.).

Bodriyar Zh. (2000) Transparency of evil. Moscow: Dobrosvet. 258 p. (In Russ.).

Weber M. (1990) Selected works. Moscow: Progress. 808 p. (In Russ.).

Gurevich A.Ya. (1993) Historical synthesis and the School of "Annals". Moscow: Indrik. 328 p. (In Russ.).

Gurevich A.Ya. (1996) Territory of the historian. *Odissei. Chelovek v istorii = Odysseus. A man in history*. Moscow: Coda. P. 81–109. (In Russ.).

Derrida Zh. (2000) About grammatology. Moscow: Ad Marginem. 512 p. (In Russ.).

Dil'tei V. (2004) The construction of the historical world in the sciences of the spirit. Moscow: Three Squares. In 6 vol. Vol. 3. 419 p. (In Russ.).

Zimmel' G. (2017) Favorites. Philosophy of Culture. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 432 p. (In Russ.).

Collingwood R. (1980) The idea of history. Autobiography. Moscow: Nauka. 488 p. (In Russ.).

Krotov A.A. (2017) Methodology of modern research in the history of philosophy in France. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. No. 6. P. 52-62. (In Russ.). EDN: WGEMUS.

Kun T. (2020) The structure of scientific revolutions. Moscow: AST. 320 p. (In Russ.).

Mezhuev V.M. (2018) History as a philosophical idea. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. No. 8. P. 34-41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S004287440000738-6. EDN: YALVBB.

Meier E. (2003) Proceedings on the theory and methodology of historical science. Moscow: State Public Historical Library of Russia. 204 p. (In Russ.).

Popper K. P. (1993) Poverty of historicism. Moscow: Progress. 187 p. (In Russ.).

Rashkovskii E.B. (2016) Historical thought between life and death. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. No. 7. P. 63-73. (In Russ.). EDN: WGEWSR.

Rikkert G. (1998) Philosophy of life. Kiev : Nika-Center. 512 p. (In Russ.).

Fevr L. (1991) Battles for history. Moscow : Nauka. 632 p. (In Russ.).

Feierabend P. (1986) Selected works on the methodology of science. Moscow: Progress. 542 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Звездина Анна Александровна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,

Information about the authors

Anna A. Zvezdina
Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: zvezdina_53@mail.ru,

e-mail: zvezdina_53@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0124-5424>

Ланцова Ирина Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: irlanz@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8660-4611>

<https://orcid.org/0000-0003-0124-5424>

Irina V. Lantsova,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: irlanz@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8660-4611>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2023 г.;
одобрена после рецензирования 8 февраля 2024 г.;
принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 28, 2023;
approved after reviewing February 8, 2024; accepted for
publication February 19, 2024.